

Краткое содержание:

Необходимая конфронтация с бурными мыслями Цзинь Цзысюаня и Цзян Яньли.

Не Минцзюэ знал, что в какой-то момент этот разговор должен был произойти. Поскольку Цзинь Гуаншань в течение многих лет пытался проложить себе путь к должности главного заклинателя, Цзинь Цзысюаня нельзя было оставлять наедине со знаниями, которыми он теперь обладал. Будь проклят Не Минцзюэ, если он позволит этому слабовольному, жадному до власти убудку манипулировать собой или ещё чего похуже. Если Цзинь Гуаншань узнает правду о двух едва живых заклинателях, велика вероятность, что он попытается убить их, и это была единственная возможность, которую Не Минцзюэ не хотел рассматривать.

Ему нужно было опередить любое торопливо написанное письмо, которое Цзинь Цзысюань мог отправить в Ланьлин Цзинь.

Не Минцзюэ знал, что ледяной взгляд, которым его окатили в тот момент, когда он вошёл в палатку юного наследника, был неизбежен.

— Ты знал, какую опасность представляют эти двое, и всё равно позволил им рисковать своей жизнью!

Обвинение тоже было вполне ожидаемым.

Не Минцзюэ молча стоял, ожидая, пока сердитое хождение немного утихнет.

Цзинь Цзысюань расхаживал, словно тигр в клетке, топча ногами многочисленные куски пергамента, валяющиеся на земле, а на его письменном столе на пустом листе бумаги небрежно лежала блестящая чернилами кисть.

— Вы думали... — начал глава Ордена. — Возможно ли остановить Вэй Усяня, когда он хочет что-то сделать? — Не Минцзюэ сделал паузу, наблюдая, как лицо Цзинь Цзысюаня вспыхивает гневом и разочарованием. — Вы же помните, что даже великий учитель Лань Цижэнь не смог его контролировать?

Цзинь Цзысюань ударил рукой по шесту, подпирающему палатку, и платяные стены пошатнулись.

— Значит, вы просто позволили им? Из-за того, что один дикий, безрассудный заклинатель не в состоянии прислушаться к тому, что для него хорошо?

Не Минцзюэ фыркнул:

— Я думаю, Вы знаете, насколько упрямым может быть Лань Ванцзи. Он уже нарушил половину правил своего Ордена, по которым строго жил годами, и всё же Вы считаете, что мы смогли бы остановить его?

Цзинь Цзысюань поморщился при этих словах.

— Почему это должны были быть они? — возмутился он. — Почему это не могли быть два человека, которые действительно прислушались бы к голосу разума?

— Я не думаю, что подобные вещи работают именно так. Я уверен, что несколько богов смеются над нами прямо сейчас, но мы должны иметь дело с тем, что находится перед нами. А перед нами два едва живых заклинателя, чьи жизнь или смерть могут означать жизнь или смерть мира совершенствования. И Ваши гнев и разочарование более бесполезны, чем простое молчаливое сдерживание. — Не Минцзюэ прищурился, глядя на молодого наследника: — Так что же это будет, господин Цзинь?

Цзинь Цзысюань застонал, взлохматил волосы и несколько раз судорожным движением одёрнул рукава золотой мантии:

— Наступит ли день, когда Вэй Усянь не окажется в центре той или иной проблемы?

— Я помню, что ты сам пару раз был зачинщиком ваших столкновений в Облачных Глубинах, — сказал Не Минцзюэ, наблюдая, как Цзинь Цзысюань краснеет. — Не бросай камни, которые не хочешь вернуть, молодой господин Цзинь.

— О нём говорили в мире совершенствования с тех пор, как он запрыгнул на свой меч в двенадцать лет и полетел на кладбище, и его дяде пришлось его спасти! — горячо ответил Цзинь Цзысюань.

Не Минцзюэ пришлось согласиться с этим, но это не была ситуация «Обвинить Вэй Усяня во всём», и гнев всё ещё витал в воздухе, и это нужно было пресечь.

— Молодой господин Цзинь, подумай на мгновение. Что хорошего принесут Вам теперь Ваши гнев и страх? Мы не можем изменить прошлое, мы можем только двигаться вперёд. Делается всё, что можно сделать, для их спасения. Сосредоточьтесь на том, что Вам нужно, и пусть целительница беспокоится о Вэй Усяне и Лань Ванцзи.

Цзинь Цзысюань сморщил нос:

— И Вы не расскажите остальному миру совершенствования об опасности, с которой он может столкнуться?

— И сколько тогда будет необдуманных покушений? — огрызнулся Не Минцзюэ, с удовлетворением наблюдая, как молодой человек в шоке отступил на шаг. — И даже не пытайся утверждать, что их не будет. Страх — отличный мотиватор, а эти двое представляют огромную угрозу, если что-то пойдёт не так. — Он оглядел усеянный обрывками бумаги пол. — Сохранение этих знаний в пределах как можно более узкого круга будет единственным способом, которым мы сможем защитить их и себя.

Каждое слово обрушивалось на гнев Цзинь Цзысюаня, превращая его в ужасающее осознание.

— Захотел бы... стал бы кто-то действительно пытаться убить их, зная, кто они такие? — спросил он дрожащим против воли голосом.

Не Минцзюэ кивнул.

— Кто-то подумает, что легенды это всего лишь легенды, и устранение источника страха всех успокоит. Для кого-то истории о Слившихся Парах — это просто истории. Есть ли лучший способ избавиться от монстра, чем убить его? Разве не этому нас всех учат? — Не Минцзюэ наблюдал, как Цзинь Цзысюань нащупал стул и тяжело сел. — Вэй Усянь и Лань Ванцзи — это история, ставшая реальной, живой миф. Не все в это поверят, но одного намёка на то, что это могло произойти, достаточно, чтобы вызвать страх. И какой-нибудь идиот попытается предотвратить возможную панику толпы, убив их. — Он подождал и, убедившись, что Цзинь Цзысюань расслышал и осознал каждое его слово, продолжил: — Вы хотите сделать ставку на то, что все будут рациональны и спокойны? Вы действительно верите, что так и будет?

В течение долгого времени Цзинь Цзысюань просто сидел, позволяя словам главы Ордена прокручиваться в своей голове, чувствуя, как неприятный холодок бежит по спине при мысли о каком-то идиоте-заклинателе, пытающемся избавиться от угрозы.

— Так вот почему Вы никому не сказали, — пробормотал он, наконец, смирившись. — А я задавался вопросом: почему бы не рассказать? Это ведь то, что нужно отпраздновать, не так ли? Но... они ещё не закончили, всё ещё существует опасность... так что вы все молчали. — Цзинь Цзысюань вздохнул. — А я-то думал, что Вы просто оставили меня в стороне. — Его голос звучал покорно и устало.

— Если бы ты разобрался в этом сам, тебя бы включили, — заметил Не Минцзюэ.

Цзинь Цзысюань поднял бровь:

— Неужели?

Не Минцзюэ только вздохнул.

— Мы исключили Вас не потому, что думали, что это будет весело, — сказал он, скрестив руки

на груди. — А теперь перестаньте дуться и проявите решимость, которая, я надеюсь, у Вас есть под всей этой надуманной ерундой.

Это замечание заставило Цзинь Цзысюаня ощетиниться, но потом он расслабился и закатил глаза:

— Отлично. Они двое знают?

— Нет, потому что они такие же слепые и тупые, как и Вы, когда дело доходит до их собственной связи. — Не Минцзюэ фыркнул, увидев удивление на его лице. — «Слепцы» — хорошее слово для этого. Но дело не в этом. Мне нужно знать, что Вам можно доверять и что Вы не станете распространять эту информацию. — Он сделал паузу, наблюдая, как Цзинь Цзысюань наклоняется вперёд, чтобы слушать. — Особенно Вашему отцу. — Он посмотрел на молодого человека сверху вниз. — Вы лучше, чем он?

Услышав оскорбление в адрес своей семьи, Цзинь Цзысюань вновь ощетинился, но почти сразу весь гнев покинул его, и он откинулся на спинку стула, всё ещё не оправившись от количества выплеснутой на него информации.

— Вы действительно думаете, что мой отец сделал бы что-нибудь? — почти жалобно спросил он.

— Я думаю, что Ваш отец, возможно, когда-то был великим лидером, но он помешался на власти и готов ради неё на всё. Включая попытки контролировать или убить этих двоих. Я не хочу выяснять, заслуживает ли он доверия на собственном горьком опыте.

Не Минцзюэ немного подождал, пока Цзинь Цзысюань боролся с инстинктивным желанием защитить человека, который его вырастил. Вся эта битва ясно отразилась на лице наследника, прежде чем тот вздохнул.

— Он не узнает от меня, — проговорил он и вновь ощетинился: — Это всё? Или есть ещё какие-нибудь причины врываться в мою палатку, кроме как попросить меня скрывать информацию от отца?

Теперь Не Минцзюэ выглядел немного смущённым.

— На самом деле да, есть ещё кое-что. Я хочу выполнить просьбу целительницы Цин в обмен на всё, что она для нас сделала. — Он подавил желание дёрнуться. — Её помощь неоценима. Без неё... — Глава Ордена Не замолчал, чувствуя себя неловко из-за этой темы, но не в силах не выполнить принятое им решение.

Цзинь Цзысюань выглядел озадаченным.

— Просьбу? От целительницы Цин? — Теперь все называли её целительницей Цин, а младшего брата — учеником Нином, что было уступкой Не Минцзюэ, желавшему держать их при себе, но не желавшему, чтобы ему постоянно напоминали об их фамилии. — Чем я могу помочь?

— Крестьяне, которые её воспитали. Их держат в одном из лагерей Ордена Цзинь. Все, чего она хочет, — это чтобы им разрешили вернуться в свои дома.

Тёмные брови наследника взлетели вверх.

— Вы бы отпустили Вэней по просьбе целительницы? — уточнил он, сбитый с толку и искренне любопытствующий.

— Крестьян. Среди них нет ни одного с золотым ядром. — Не Минцзюэ рассеянно махнул рукой. — Мы, конечно, проверим это, но что хорошего в том, чтобы запереть кучку людей, которые выращивают еду и предоставляют услуги? — Глава Не покачал головой. — Я могу пойти и сделать это без твоей поддержки, у меня достаточно связей с остальными Орденами, чтобы отобрать контроль над лагерями для военнопленных у Ордена Цзинь, но если ты отдашь приказ, будет проще.

Взгляд Цзинь Цзысюаня прояснился.

— Эти лагеря с самого начала находятся под юрисдикцией Цзиней. Как Вы собираетесь получить над ними контроль? — поинтересовался он ледяным тоном.

— Мы можем сидеть здесь и спорить об этом, но скажу одно — меня поддерживает большая часть мира совершенствования. Я мог бы использовать этот рычаг, чтобы перевернуть всё с ног на голову и лишить Орден Цзинь всякого контроля. Но, хотя Ваш отец, честно говоря, не самый уважаемый мной человек, у Вас, похоже, есть голова на плечах, пусть и скрываемая за самомнением. Я бы предпочёл сохранить Вашу поддержку.

Не Минцзюэ опустился в кресло и откинулся на спинку, наблюдая, как лицо Цзинь Цзысюаня искажается от обиды на оскорбление до неохотного согласия.

— Мой отец не получит звание главного заклинателя, не так ли? — спросил тот и поморщился: вопрос был риторическим.

Однако Не Минцзюэ всё равно ответил:

— Похоже, что так. Он хотел воспользоваться Вашими достижениями, поскольку лично не участвовал в войне, отправив вместо себя Вас. Но теперь он не может использовать Ваши достижения или достижения Вашего сводного брата в качестве нужных аргументов, тем более

что Вы не были на главном поле битвы. — Не Минцзюэ фыркнул. — Кажется, он очень расстроен из-за этого, хотя Вы занимались чем-то более важным.

Цзинь Цзысюань пропустил это мимо ушей, заострив внимание на удивительном факте:

— Мой сводный брат?

— Мэн Яо, моя бывшая правая рука. Он был шпионом в логове Вэнь Жоханя. Именно он снабдил нас большей частью имеющейся у нас секретной информации о передвижении войск противника. — Глава Ордена Не немного смущённо пожал плечами. — Он один из многих Ваших сводных братьев и сестёр.

Цзинь Цзысюань на мгновение нахмурился, но сразу же постарался разгладить выражение своего лица.

— Хорошо, если мы проверим и убедимся, что эти крестьяне не имеют золотых ядер, они могут идти, — произнёс он, сурово глядя на Не Минцзюэ. — Если мой отец будет сопротивляться этому, передайте ему моё письмо. — Молодой человек встал, подошёл к своему столу и, перебрав аккуратно сложенную стопку, открыл один из свитков и коротко ухмыльнулся. Потом он выудил из рукава свою печать, подтянул к себе кисть и чернильный камень, написал короткую записку и вдавил в неё свою печать. — Это даст Вам определённую власть над лагерями для военнопленных. Достаточно, чтобы разрешить освобождение группы заключённых и перевод их в выбранное Вами место.

Не Минцзюэ подождал, пока чернила высохнут, а потом свернуть свиток и кивнул наследнику в знак благодарности:

— Спасибо. Я с нетерпением жду, когда Вы возглавите Орден, молодой господин Цзинь.

— Вэй Усянь и Лань Ванци. Их статус не будет долго оставаться секретом, — предупредил Цзинь Цзысюань. — Я не скажу моему отцу, но есть множество заклинателей, которые способны сложить два плюс два, даже среди моего собственного Ордена. Знание будет распространяться вокруг.

Уже направлявшийся к выходу Не Минцзюэ остановился и повернулся к наследнику. Его лицо выглядело застывшей маской:

— Только до тех пор, пока мы не сможем их переместить. Если это останется секретом, пока мы не доставим их в Цинхэ, этого будет достаточно. Там они окажутся в большей безопасности и под куда более надёжной защитой, чем здесь.

Цзинь Цзысюань кивнул, по его глазам было видно, что он смирился с тем, что составление следующего отчёта отцу определённно станет процессом долгим и утомительным: предстояло

изложить всё так, чтобы выглядело это правдиво, и при этом утаить значительную часть событий.

— Увидимся позже, глава Ордена Не, — произнёс Цзинь Цзысюань, поклонился и вдруг спохватился: — О! Ещё одно — гуцинь Лань Ванци остался в горах. Я не смог взять его с собой. А вот флейта Вэй Усяня... — Он нащупал инструмент и протянул его Минцзюэ, морщась от неприятного покалывания в пальцах.

— Спасибо, молодой господин Цзинь. Я пошлю кого-нибудь за инструментом.

Не Минцзюэ взял флейту и, ещё раз поблагодарив наследника, ушёл.

Цзинь Цзысюань проводил его тяжёлым взглядом и огляделся: у него осталось достаточно сложностей, чтобы заняться ими в обозримом будущем. И, для начала, он тщательно уничтожил все клочки черновиков своего отчёта, разбросанные по палатке.

* * *

Цзян Янли чувствовала себя... опустошённой. Использованной тряпкой, выжатой насухо и вывешенной сушиться на палящем солнце.

Голова раскалывалась, в глазах пульсировало, а на душе с каждым днем становилось всё хуже и хуже.

А-Чэн заперся в палатке с целительницей, пытаясь сохранить жизнь А-Сяню и второму молодому господину Ланю, и Янли почти не видела его, а когда она, временами, всё же прорывалась к нему, то он либо спал, либо выглядел таким измученным, что хотелось не разговаривать, а тут же уложить его в постель.

И вот она сидела, чувствуя себя абсолютно бесполезной. Она не могла помочь в лекарственных палатках, поскольку её целительские навыки в основном касались комфорта и ухода за ранеными, а их в лагере почти не осталось: заклинатели либо уже поправились, либо их забрали домой семьи. На кухню Янли тоже перестали пускать, потому что, постоянно пребывая в растрёпанных чувствах, она умудрилась спалить котёл с супом.

Так что теперь дева Цзян прозябала в своей с А-Чэном палатке. Сидела, уставившись на свои руки, бесполезно лежавшие у неё на коленях, и отчаянно пыталась придумать хоть что-нибудь, чем она могла бы заняться.

Она не могла придумать ни одной полезной идеи, и это вызвало в ней новую волну страдания; если бы у неё остались слёзы, чтобы выплакаться, рукава её мантий снова были бы мокрыми.

— Дева Цзян, извините, что прерываю. — Голос из-за полога палатки прервал её собственное

горе, и она поспешила отбросить тягостные мысли, чтобы попытаться выглядеть хоть чуточку презентабельно.

— Нет, нет, всё в порядке. Пожалуйста, войдите.

Молодой заклинатель Цзян нерешительно вошёл в палатку и поклонился. В руках он держал внушительных размеров сумку.

— Это бумаги и письма. Их доставили из Юньмэна. Но, поскольку никому не разрешается приближаться к лекарским палаткам, мы не знали, что с ними делать. Я подумал, ну, раз уж Вы здесь... Не могли бы Вы взять их, если не сложно, дева Цзян?

Целую минуту Яньли смотрела на молодого заклинателя, пока её уставший мозг пытался осознать то, что он сказал, а потом её глаза расширились от радости:

— Да-да, конечно. Вы можете оставить их у меня. Я прослежу, чтобы А-Чэн их увидел.

Ученик выглядел благодарным, когда она взяла у него сумку.

— Спасибо, дева Цзян. Мы все были в недоумении, что делать. Я позабочусь о том, чтобы все знали, что Вы занимаетесь отчётами и корреспонденцией из Юньмэна.

Он поклонился и ушёл, а Яньли поставила сумку на стол и с облегчением вздохнула: теперь она ясно поняла, чем может быть полезна.

Она не могла помочь своим братьям, как бы сильно это её не корбило. Но здесь, прямо сейчас, она, наконец, могла заняться нужным делом. Она могла убедиться, что их дом по-прежнему стоит и процветает, чтобы у А-Сяня был дом, куда он мог бы вернуться, когда проснётся. Что Орден, над восстановлением которого работал А-Чэн, всё ещё будет стоять и оставаться сильным, когда он сможет вновь вести его за собой.

Много раз Яньли сидела рядом с отцом, пока тот руководил Юньмэном. Она училась читать по его отчетам задолго до того, как её наставники вплотную занялись её обучением. Она знала более чем достаточно о повседневных делах и нуждах своего дома.

Когда этим вечером Яньли принесла ужин в лекарскую палатку, она попросила у А-Чэна его печать. Теперь она знала, что надо делать.